

колонка критика

Простые истины «Времени»

Чем сегодня театр может удивить зрителя, пресыщенного сенсационными публикациями, атакуемого публицистикой и замороженно следящего за непредсказуемой интригой небывалого Съезда народных депутатов?

А удивлять необходимо — впервые, кажется, за многие годы в московских театральных кассах можно приобрести билеты на спектакли, доступные прежде разве что «особо значительным персонам» из сфер управления и обслуживания. Да, зрительные залы столичных театров начинают заполняться эхом актерских голосов — таким был печальный финал прошедшего сезона.

Как же быть в этой непростой ситуации новым организациям — многочисленным театрам-студиям, которые родились на волне перестройки и гласности и сразу попали в обстановку спонтанного театрального кризиса? Каждый из них ищет свой выход. Иные надолго покинули родное гнездо и накручивают тысячи километров бесконечных изматывающих гастролей, иные стараются привлечь публику в переходах метро, крича о возможности увидеть ранее запретные пьесы, а некоторые вступают в борьбу с канонами морали и называют обывателем всякого, кто считает, что на актерах должно быть хоть что-нибудь наде-то. Каждый ищет свой выход.

В этой пестроте приемов и методов выживания негромкий голос Московского театра-студии «Время» под руководством заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР Нелли Эшба может быть услышан только истинными театрами. Кажется, что этот коллектив отстраняется от всеобщего стремления удивить, разоблачить и потрясти, обращаясь своими спектаклями к проблемам вечным, ценности которых может определить и обозначить только Время. Именно так я понимаю название театра — не жюжютаж сиюминутного, мишурного, а истины, отображенные опытом человечества. Время — не прыгающие цифры на электронном табло, а задумчивая фигура в монашеской одежде с песочными часами в руках. Как на старинных курантах. В всяком случае, именно о таком взгляде на мир говорят и существующие спектакли, и планируемые постановки.

Сквозным персонажем спектакля «Смуглая леди сонетов» становится герой по имени Время в исполнении артиста В. Маренкова. Предвижу недоумение знатоков — ведь в пьесе подобного персонажа нет. Но в пьесе Бернарда Шоу, написанной в 1910 году по просьбе Шекспировского общества с целью увековечить память Шекспира через популяризацию его творчества, нет многого, что появилось в спектакле. По признанию английского драматурга-парадоксалиста, он был уверен, что «Элиза» (королева Елизавета Тюдор) не имела ни малейшего представления о существовании Шекспира, и потому решил их «познакомить». Режиссер Н. Эшба через сюжетную канву «знакомств» (и не только с Елизаветой, но и с безымянной героиней шекспировских сонетов, таинственной «Смуглой

леди») дает возможность зрителю воочию проследить за вдохновением гения. И фантазия Шекспира, разбуженная встречами, запланированными Шоу, рождает сюжеты великих пьес. Перед зрителем предстают герои «Гамлета» и «Двух веронцев», «Укрощения строптивой» и «Макбета», а Время отмеривает их появление.

Несуетное, подробное погружение в столь композиционно сложный материал, совмещающий художественные миры и стили Шекспира и Шоу, обретает в спектакле четкость и чистоту классической формы.

Черные одежды сценического пространства (художник В. Пал), статуарность мизансцен, ритмическая размеренность действия взрываются буйством и красочностью костюмов (художник по костюмам Е. Богданов). Здесь красота — не любовное, а осознанный эстетический принцип. Перед зрителями разворачиваются картины эмоционально насыщенные, полные всех оттенков чувств. Воистину кажется, что романтический театр возрождается вновь! Актеры, вечные пилигримы, бродящие в поисках истинных страстей, находят в спектакле свое подлинное предназначение. В этой оценке нет восторженного перебора, унижающих комплиментов в адрес начинающего театра.

Актер Н. Ряснянский, исполняющий в спектакле роли Шекспира, Гамлета, Петруччио и Макбета, вскрывает природу поэтического дарования истоко, увлеченно. Женские образы, полные очарования и тайны, рассудочности и непредсказуемости, открытой чувственности и державной властности, создают актрисы И. Егорова и Т. Ряснянская. Даже дворцовый стражник, почти безмолвный, но вседушающий персонаж, в ярком, сочном исполнении В. Зырянова оказывается активно действующим звеном этого увлекательного поэтического зрелища.

Спектакль пронизывает поэзия. Профессионалы и зрители знают, как редко за последние годы звучало в театре высокое поэтическое слово. Умение понять и прожить это слово и трепетно, с любовью донести его до зрителя характеризует участников спектакля и как подлинных профессионалов, и как убежденных единомышленников.

Комедия Анатоля Франса «Немая жена» на советской сцене практически не ставилась. Постановочных традиций эта яркая и смешная пьеса не имеет, и потому спектакль театра-студии «Время» воспринимается вне надоевшего контекста сравнений. Сюжет французский писатель и драматург заимствовал из бессмертного романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», любовно сохранив и развив традиции великого гуманиста и сатирика. Эшба создает яркое сценическое зрелище, не только учитывая особенности литературных источников, но и целенаправленно развивая собственные художнические позиции. Спектакль «Немая жена» — праздник театральности, зрелище жизнерадостное и остроумное, где за юмором и лукавством прячется ирония и язвительная насмешка над извечными человеческими слабостями и пороками.

Что предлагает нам театр? Казалось бы, давно известное: отход души, радостное удовольствие от поэзии, красоты, искренних чувств. Но именно эти простые истины возвращают зрителю утраченную духовную гармонию. А это сегодня подарок редкий.

Е. РОЗАНОВА.